

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, ИЛИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАНИПУЛЯЦИИ ЗАПАДА В РОССИИ

С. Рогожин

Как отрасль международного права, т.е. политическая идеология, изложенная языком международно-правовых норм, права человека начинаются с принятия в 1948 г. «Всеобщей декларации прав человека». При сравнении «международного права прав человека» с другой отраслью МП, регулирующей вопросы прав, безопасности, защиты личности в условиях войны, — международным гуманитарным правом — выясняется, что последнее формировалось намного медленнее. Однако более 800 статей правозащитных договоров подкреплены меньшим числом ратификаций. Минимальное число правозащитных норм признается обычным международным правом. Эта отрасль МП, прошедшая через несколько этапов развития, представляет собой довольно разрозненный конгломерат универсальных и региональных договорных норм, международно-правовых доктрин, основанных на религиозных и политических принципах, идеологических распрей, бюрократических установлений и дипломатической борьбы.

Пределы международного права прав человека по-прежнему четко не установлены, его предмет неуклонно расширяется и политизируется. Так, в настоящее время в понятие и предмет прав человека входят столь разрозненные темы, как право народов на самоопределение, право на развитие, «благое управление», терроризм, развитие и упрочение демократии, крайняя нищета, односторонние меры принуждения, наемники, права коренных народов, токсичные отходы, смертная казнь, права сексуальных меньшинств, безнаказанность, торговля женщинами, диффамация религий, глобализация, последствия структурной перестройки экономики, биоэтика и т.д.

Вопреки сложившемуся стереотипу демократические и правозащитные институты не исключают появление тоталитарных идеологий. Яркий тому пример в новейшей истории Европы — возрождение нацизма. Более того, права человека сами приобретают черты тоталитарной идеологии, претендуя на универсальность и *a priori* исключая какие-либо иные мотивы разумного поведения индивида. Тоталитарная суть прав человека проявляется в изначальной жесткой заданности рамок либерального сознания и самосознания личности. Правозащитная идеология зачастую предполагает, что человек просто обязан осуществлять свои права при любых обстоятельствах, же-

ляет он этого или нет. Создается впечатление, что вне основных прав и свобод человека, установленных правом, у личности вовсе нет ни прав, ни свобод. Тоталитаризм прав человека в том, что индивид лишается права на иррациональный, неоправданный, идеологически не запрограммированный поступок, возможно общественно бесполезный, но спасительный шаг, крик души, отказ от предписанного права во имя высшей цели, ценности, высшего духовного блага. Личность нивелируется, усредняется, подгоняется под правозащитный шаблон.

Примечательно, что утверждение правочеловеческой доктрины как единой и чуть ли не единственной государственной идеологии объединенной Европы сопровождается возвращением полицейского государства с его чрезмерной опекой над личностью и заботой о ее должном поведении. Более того, идеология прав человека претендует на роль некой псевдоморали западного либерального общества, «принудительной нравственности» его членов, обеспечиваемой законом.

Права человека ограничивают личную свободу и инициативу, кроме, разумеется, экономической, отрицают идейное и политическое «диссидентство» не в меньшей степени, чем коммунистическая идея. Обе идеологии ставят во главу угла построение идеального общественного порядка, который, однако, в случае с коммунизмом предполагает отмирание государства и права. Правочеловеческая доктрина, напротив, делает ставку на правовое государство как гарант разумности общественного бытия. Однако в обоих случаях целенаправленно реализуется политика «идеологической зачистки» социума, вытеснения из общественного сознания течений мысли, ставящих под сомнение идеальность и необходимость правочеловеческой и коммунистической доктрин. Такие действия предпринимаются на Западе под предлогом сохранения «демократических традиций», борьбы с «хаосом и анархией», хотя, к слову, анархизм, особенно русской закваски, всегда признавал и утверждал идею свободы и самоценности личности. При этом шельмуется любая идея, утверждающая приоритет не поддающихся правовому урегулированию понятий, таких, например, как совесть, честь, нравственный долг. Игнорируется тот очевидный факт, что формальный закон по объективным причинам естественным образом дополняет закон нравственный. Тем самым право противопоставляется морали, отрицаются его духовные основы и игнорируются личные добродетели.

Права человека в России — «варяжская» идеология, продукт выродившейся западной социологической и философской мысли, — привлекательна своим примитивизмом, формализмом, эклектичностью и

политической утилитарностью как для российских коммунистов, так и для доморощенных демократов, ибо российский коммунизм можно определить как западную безбожную идеологию плюс отечественный национализм, а российская демократия — это, судя по всему, западная безбожная идеология минус отечественный национализм.

Права человека — идеология социального утопизма, построения земного демократического рая¹. Сверхрационализм правочеловеческой доктрины Запада ставит под сомнение все, что противоречит ее разумным установкам, и прежде всего идею целостности, органичного единства юридических, нравственных и религиозных категорий. В эти рациональные догмы, очевидно, не вписываются такие фундаментальные понятия русского православного правосознания, как грех и покаяние, а не преступление и наказание; правда, а не право; право благодати, а не право формального закона; воля, а не свобода; нравственный долг, а не долговое обязательство; праведность, а не законопослушание; несчастные, а не преступники; многоединый народ и соборность, а не нация и «общественный договор»; веротерпимость, а не свобода совести; равенство всех перед Богом, а не перед законом; верховенство божественной благодати, а не человеческого закона; неверие в земной рай, возможность его построения, а не строительство общества всеобщего благоденствия². Эти понятия можно назвать отражением «правового нигилизма», однако для русского правосознания очевидна недостаточность рассудочной религии закона, законности и прав человека. Православие зиждется на этике «не от мира сего». Доктрина прав человека, характеризующаяся однородностью и примитивизмом миросозерцания, не в силах охватить ни нравственной, ни государственной русской идеи и традиции.

¹ В этой связи уместно процитировать одного из идейных отцов западного либерализма Ж.-Ж.Руссо. «Если брать понятие демократии во всей строгости его значения, то истинной демократии никогда не было и не будет». *Rousseau J.J. Du contrat social*. Flammarion, Paris, 1992, p. 95.

² «А вы представьте себе: вот вы встаёте однажды утром, день как день, дождик идет, и вдруг вы узнаете, что все отменено, что касалось там всяких глупостей, но не так, как в России, где только всего и сделали, что из тысячи церквей оставили одну, а полов отдали в арестные дома. Нет, отменено временем, веком все, связанное с совестью, с сознанием греха, с «блаженны плачущие». Секрет утерян. Остались, так сказать, только права человека и гражданина, да уголовный кодекс. И никто больше ни в чем не сомневается, никто не молится. Вам не было бы страшно?» *Нина Берберова*. Плач. Биянкурские праздники. Рассказы в изгнании. М., 1999, с. 349.

Причём обращение к православному миропониманию здесь уместно и оправдано хотя бы потому, что русские государственно-правовые доктрины: Божественной благодати и правды; соборности; России — последнего оплота православия как единственно истинного христианства — «Москва — третий Рим»; теория православной народности — «Православие, самодержавие, народность», — в основе своей были религиозно-нравственными.

С точки зрения русской культурно-исторической традиции идеология прав человека исключает подлинную свободу — свободу духовную, творческую, бытийную, т.е. свободу от греха. Для русского самосознания характерно как самодовольное холуйское: «Человек — это звучит гордо!», — или ещё: «Тварь я дрожащая или право имею?», — так и неистовое самоуничтожение протопопа Аввакума: «И мняся нечто быти, а кал и гной есм, окаянной, — прямое говно. Отовсюду воняю — и душою, и телом³». Нам предлагается спуститься с этих метафизических «русских горок», позабыть «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, «Преступление и наказание» и «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского, «Оправдание добра» и «Краткую повесть об антихристе» В.С. Соловьёва⁴, «Воскресение» Л.Н. Толстого, «Нравственные начала анархизма» П.А. Кропоткина, работу П.И. Новгородцева «Об общественном идеале» и увлечься проповедью западной идеологии прав человека.

Эта идеология свободы, ограниченной правом, а не заповедью, во многом сводится к праву на грех, привилегию, неправду⁵. Права человека в современной России — это «недоправо» и «недоправда». По своему разрушительному воздействию на духовность и правосознание российского общества идеология прав человека вполне сопоставима с коммунистической доктриной. В России в последние годы бурно развивается правозащитная бюрократия и номенклатура, активно поддерживаемая и щедро оплачиваемая Западом. Между государственной властью и народом создается все больше посреднических правозащитных институтов, именующих себя «гражданским

³ *Аввакум. Житие. Житие Аввакума и другие его сочинения.* М., 1991, с.68.

⁴ В этом труде В.С. Соловьёв сформулировал классическое для русской философии определение назначения прав: «Задача права не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие, а только в том, чтобы он — до времени не превратился в ад.». В.С. Соловьёв. *Оправдание добра. Нравственная философия.* Соч. в 2-х томах, М., 1988, т.1, с. 454.

⁵ О значении понятия свобода в русском правосознании см. В.О. Ключевский. *Терминология русской истории.* Соч. в 9-ти томах. М., 1989, т.6, с. 199-200.

обществом». На основе поступающих из-за рубежа грантов развивается правочеловеческий бизнес. Услуги профессиональных правозащитников, и не только адвокатов, продаются и покупаются. Этот бизнес зачастую следует законам «черного рынка». Права человека в моде. Критиковать эту доктрину и её последователей невежливо, «нецивилизованно».

На этом фоне «идеологического холуйства» перед Западом неуклонно растет число желающих поучаствовать в нахождении правозащитного консенсуса между Богом и чёртом. Правозащитники требуют к себе особого отношения, неких моральных привилегий, гарантий безопасного миссионерства, закрепленных законодательно, продолжая при этом проповедовать равенство всех перед законом⁶. Правозащитное сообщество претендует на монополию знания и презумпцию правды; выполняет заказы политиков и финансистов; не чурается противоправной деятельности, лжи, особенно, если она оплачивается.

Примечательно, что как советские конституции, так и основной закон демократической России — доктринерские документы, имеющие мало общего с русским правопониманием и правосознанием, оторванные от исторической традиции. При этом Конституция 1977 г. тоталитарного СССР содержала меньше ссылок на социализм и марксизм-ленинизм, чем Конституция Российской Федерации 1993 г. — на права человека. Посткоммунистическая Россия, следуя примеру Советского Союза, продолжает порочную практику присоединения к международным договорам в области прав человека, в которых не отражены основы культурной, духовной, правовой российской и русской традиции. Международно-правовые обязательства принимаются нами «на вырост», а точнее, «с расчетом» на углубление кризиса самобытной правовой культуры.

Фундаментальный правозащитный вопрос в России — это пределы государственного произвола по отношению к отдельной личности и народу в целом, а отнюдь не границы личной свободы частного собственника в его отношениях с другими собственниками, включая, естественно, и государство. Грешно ли иметь хлеб насущный и крышу над головой? Нет, но права человека, как показывает жизнь, — привилегия

⁶ Весьма примечательно решение последней сессии Комиссии ООН по правам человека создать должность специального представителя (международного чиновника-эксперта) исключительно с целью обеспечения защиты прав правозащитников. См. резолюцию 2000/61 «Правозащитники», E/CN.4/2000/L.11/Add.6, 27 April 2000.

сытых и богатых. Нищие «животом» и духом не мыслят правозащитными категориями и не «качают» права. Россия испытывает потребность не в политически заангажированных чиновниках-омбудсменах и профессиональных революционерах-правозащитниках, а в юродивых. Важно отметить, что к государству и государю в России очень часто предъявляется требование «нравственного деспотизма» (добрый царь — сильный царь), что отодвигает на второй план попытки правового оформления взаимоотношений государства и личности. Чужда нам и форма изложения правозащитной идеи Запада — язык международно-правовых обязательств и норм. Мы привычны к литературной проповеди законов правды и любви. К тому же, и это, наверное, весьма важно учесть при оценке итогов десятилетия активного насаждения Российским государством правозащитной идеологии, любая западная идеология рискует стать в России тоталитарной.

Права человека — современная светская религия. Ее последователи бесцеремонно вмешиваются во внутренние дела государств и шельмуют самобытные культуры на основании одного только чувства религиозного братства и солидарности, присущего единоверцам. Следуя некритичной вере в права человека, современные «цивилизованные» правители запрещают под страхом уголовной ответственности нарушать предписания и критиковать догмы этой религии, проповедуют «неистовую толерантность» и преследуют вероотступников по законам религиозных войн. Потуги Запада добиться универсального признания идеологии прав человека и вытеснить из сферы международных отношений гениев мировых религий напоминают борьбу с ними псевдорелигиозной ереси, в своей основе близкой к язычеству, превозносящей человека таким, каков он есть⁷.

Тоталитаризм идеологии прав человека наглядно проявляется в выдвижении неолиберальной и правозащитной идеи в качестве не только универсальной, но и общеобязательной нормы организации общественно-политической жизни. Правозащитные стандарты иудео-христианской цивилизации Запада представляются как единственно возможная форма разумной и эффективной организации общественного бытия. Правочеловеческая догма навязывается самобытным, самостоятельным и, в принципе, самодостаточным правовым

⁷ Обстоятельный анализ языческих основ правочеловеческой доктрины и антихристианской сути либеральной идеи дает Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл в статье «Норма веры как норма жизни». «Независимая газета», 16 февраля 2000.

системам. Это происходит несмотря на весьма относительную ценность большинства правозащитных норм и институтов и их малую привлекательность с точки зрения возможной рецепции, инкорпорации в национальное законодательство.

Неудивительно, что в этих условиях представители иных культурных полюсов мира, прежде всего китайской и мусульманской цивилизаций⁸, активно противодействуют навязыванию чуждых им западных ценностей, настаивая на собственном прочтении правочеловеческой тематики как во внутригосударственных, так и в международных отношениях. Эти цивилизации в идеологическом противостоянии Западу наиболее активно выдвигают самобытные гуманистические ценности, отстаивают верховенство собственных принципиальных воззрений на место и роль индивида в обществе, его права и обязанности. Так, в Китае считают, что при осуществлении принципа уважения прав человека необходимо учитывать специфические особенности суверенных государств и, более того, права человека не должны использоваться в качестве предлога для вмешательства во внутренние дела. Такой подход к правочеловеческой тематике был закреплен в заявлении «Шанхайской пятерки» в августе 1999 г.

Правам человека как политической идеологии и форме внешней политики стран Запада присуща беспринципность, или «двойной стандарт». Субъективная оценка Западом правозащитной ситуации в той или иной стране служит достаточным основанием для оказания политического давления, вмешательства во внутренние дела суверенных государств. В соответствии с новомодной доктриной «гуманитарного вмешательства» дело доходит до противоправного применения силы в международных отношениях. Эта доктрина основывается на извращенном понимании самой идеи гуманизма. Она противопоставляет себя нравственным основам христианства, заповеди «не убий», т.к. утверждает право убивать во имя соблюдения прав человека.

Москва, май 2000 года.

⁸ Наибольший интерес с точки зрения анализа мусульманского подхода к правам человека, вероятно, представляет «Каирская декларация о правах человека в исламе», принятая в 1990 г. Организацией Исламская конференция. В ней фактически утверждается приоритет норм шариата над правами человека. См Human Rights. A Compilation of International Instruments. Vol. 2. Regional Instruments. United Nations. New York and Geneva. 1997. p.478-484.